

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕХОДА К МАССОВОЙ ГАЗЕТЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.

Т. С. Родионова

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 10 марта 2018 г.

Аннотация: автор предпринимает попытку определить некоторые типологические истоки массовой газеты в России. Сравнительный анализ ряда московских газет названного периода показал, что потребности аудитории вызвали к жизни новые комбинации содержательных и жанровых газетных характеристик. В частности, газета «Курьер» стала таким ответом на вызовы своего времени. Просуществовав до 1904 года, она во многом создала модель новой массовой прессы — такой, как газета «Русское слово».

Ключевые слова: типология газетной печати, история русской журналистики, газеты «Курьер», «Русское слово», «Московский листок», «Русские ведомости».

Abstract: author makes an attempt to define some typological sources of mass newspaper in Russia. The comparative analysis of a number of Moscow newspapers of the called period has shown that needs of audience caused an emergence of new combinations of content and genre characteristics of the dailies. In particular, the Courier paper became such answer to calls of the time. Having existed till 1904, it has in many respects created a model of new mass press — such as Russkoe slovo.

Keywords: typology of newspaper press, history of Russian journalism, dailies Courier, Russkoe slovo, Moskovsky listok, Russkie vedomosti.

Типология русской дореволюционной газеты продолжает оставаться актуальным предметом изучения для отечественных ученых. При этом исследователи сегодня вновь обращаются к трудам предшественников, которые подтверждают такой феномен, как, мы бы сказали, историческая «текучесть» классификации различных групп прессы [1]. Подобное обстоятельство заставляет еще раз задуматься о диалектической природе типа периодического издания.

К концу XIX века у городской публики неизменным успехом пользовались газеты типа «листочков» — малая пресса, отличавшаяся своим особым подходом к тематическому и жанровому наполнению номеров. Однако уже менее чем через десятилетие признание аудитории завоевывают новые массовые газеты, наиболее яркий пример чего дает «Русское слово». Своеобразной переходной моделью между типами газетной печати этого периода стало популярное ежедневное издание демократической ориентации — московская газета «Курьер».

В статье представлены результаты исследования содержательной структуры газет «Курьер» (декабрь 1897 г., январь 1898 г., декабрь 1898 г., май 1900 г., март 1902 г., декабрь 1902 г.), «Русские ведомости» (декабрь 1897 г.), «Московский листок» (декабрь 1897 г.) и «Русское слово» (январь 1904 г.). Объем публикаций определялся исходя из их длины в сантиметрах столбца и переводился в относительные

величины. Данные усреднены из расчета произвольно произведенной выборки (семь номеров каждого издания за месяц)¹.

Сравнительный анализ данных по «Московскому листку» (малая пресса) и «Курьеру» (большая пресса) показывают, что газета «Курьер» в первое время издания (1897 — начало 1898 г.) имела такую общую с органами малой прессы характеристику, как обширный беллетристический отдел. В декабре 1897 г. удельный вес беллетристики в «Московском листке» составил 11% от объема номера, в «Курьере» — 10%. В январе 1898 г. в «Курьере» этот показатель также равен 11%. При этом заметим, что характер публикуемых в обеих газетах литературных произведений очень сходен: в «Курьере» еще не сформировалась «серьезная» беллетристика с участием членов телешовских «Сред» и других прогрессивных литераторов. Как справедливо заметил исследовавший в свое время литературный отдел «Курьера» В. Н. Чуваков [3], русская литература в газете была представлена в этот период «незначительными именами» (А. Д. Апраксин, Арсений Г², В. Морской), до конца же 1897 года вообще преобладали переводы.

¹ В статье приводятся не публиковавшиеся ранее данные из диссертации автора [2].

² Этим псевдонимом пользовался И. Я. Гурлянд — юрист, журналист, претендовавший в первые годы издания на лидирующую роль в «Курьере»; в 1907 г. возглавил официоз — газету «Россия».

Такие вещи, как, например, роман В. Морского «Мертвый омут», описывавший «сенсационные» подробности из жизни литературной богемы, был весьма типичным показателем уровня беллетристики в малой прессе. В 1898 г. «Курьер» печатал романы и повести И. Н. Потапенко, П. В. Безобразова, Д. Л. Мордовцева. Что касается Потапенко, то можно предположить, что его творчество привлекало редакцию обращением к «женскому вопросу». Героини произведений И. Н. Потапенко — молодые интеллигентные женщины, стремящиеся к полезной деятельности. Отрицание кастовых предрассудков, «барского» превосходства, безумия, порожденного погоней за наживой, — все эти положения логично работали на популярность «Курьера» среди широкой аудитории.

В целом же, говоря о раннем этапе существования газеты, можно было бы согласиться с выводом, что «в 1898 г. беллетристический отдел продолжал занимать в газете еще второстепенное место» [3, 356], но эту характеристику, скорее, следовало бы применить к уровню, литературному качеству материала. Напротив, что касается функций отдела и его удельного веса в номере, то в названный период им отводилось одно из первых мест. Это объяснялось целями редакции: завоевать московского читателя, который в массе своей не отличался пристрастием к серьезному чтению. «Московская публика очень мало интересуется политикой, — писал Е. З. Коновичер³ А. П. Чехову. — У нас, например, очень недурно организован отдел телеграфных известий: весьма часто у нас появляются телеграммы о крупных политических событиях за день раньше, чем в других газетах, — и это проходит совершенно незамеченным: тираж газеты не увеличивается от того ни на один номер. Наоборот, дайте какое-нибудь сенсационное московское известие, — и газета нарасхват» [4].

«Курьер» оказывался в непростой ситуации. С одной стороны, он старался не только не опускаться до вкусов обывательской аудитории, тяготеющей, например, к «Московскому листку», но равняться по стилю на «профессорские» «Русские ведомости». С другой — не мог не отдать дань предпочтению, которое средний читатель оказывал занимательному материалу наряду с местными известиями, сенсациями и прочим. В дальнейшем в «Курьере» становится заметной тенденция к снижению удельного веса беллетристического материала с одновременным повышением его качественного уровня. Этот процесс начался в 1899 г. Так, в мае 1900 г. средний объем беллетристики составил 4%, в марте 1902 г. — 5%, в декабре 1902 г. — 3% от общего содержания номера. Полученные данные свидетельствуют о начавшемся расхождении «Курьера» по этому показателю с изданием малой прессы.

³ Присяжный поверенный, один из пайщиков «Курьера».

Другая типичная черта малой прессы — развитие отдела местных новостей — более или менее была характерна для всех типов московских газет и потому количественно не служит признаком сходства «Курьера» с малой прессой. Напротив, содержание этого отдела свидетельствует о различиях малой и большой московских газет. Так, «Московский листок» в исследуемый период⁴ строил местную информацию на известиях в основном криминального или сенсационного характера. Большая же пресса формировала отдел городских известий из информационных заметок общего содержания, в том числе и на основе официальной хроники.

Что касается такой популярной у «среднего» читателя темы, как судебные отчеты и репортажи из зала суда, криминальная хроника, то удельный вес ее в «Курьере» был невелик, по сравнению не только с малой прессой (где она, помимо специального судебного отдела, попадала в местную хронику и другие рубрики, например в «Экстренную почту» в «Московском листке»), но и с большой («Русские ведомости»), что отвечало редакционной политике: ориентируясь и удовлетворяя по определенным позициям вкусы среднего читателя, не идти у него на поводу. Относительно небольшой судебный отдел привлекал внимание, скорее, не количеством, а качеством материала, в частности психологической содержательностью судебных зарисовок, которые постоянно публиковал Л. Андреев.

Особо следует остановиться на развитии малого фельетонного жанра в «Курьере» и его особенностях по сравнению с малой прессой.

С самого начала редакция придавала важное значение злободневным заметкам. Они формировали живой стиль газеты. На протяжении всех лет существования «Курьера», с 1897 по 1904 год, маленький фельетон не сходил с его страниц. Удельный вес этих материалов постоянно колебался, и потому вывести среднее значение оказалось сложнее, чем по другим отделам газеты. Объем маленького фельетона в «Курьере» мог составить от 1 до 7% и более от объема среднего номера.

Публикация маленьких фельетонов отличала «Курьер» от таких, например, органов столичной большой прессы, как «Санкт-Петербургские ведомости» или московские «Русские ведомости». По нашим данным, последние не практиковали использование этого жанра. Петербургская же газета помещала такие фельетоны в 1902 г., но редко (по нашим подсчетам, средний объем за одну ноябрьскую неделю в 1902 г. составил всего 0,3% на номер). Наоборот, малая пресса, в том числе московская, активно печатала маленькие фельетоны, и эту ее характерную черту сразу же перенял «Курьер».

⁴ К концу 1905 г. в малой прессе в связи с этим начали наблюдаться подвижки.

Историкам печати хорошо известны истоки фельетонного жанра в газете. Не вдаваясь в подробности, заметим лишь, что «маленький фельетон» на примере исследуемых газет изначально более всего соответствовал сложившемуся в конце концов жанру классического фельетона, хотя и в этом случае бывали отступления. В «Курьере», например, в 1900 г. в рубрике «Маленький фельетон» был помещен материал, посвященный посмертной выставке работ Левитана [5]. Ранее, в 1898 г. (№ 350), в той же рубрике была опубликована заметка «Оригинальная скульптурная выставка», представлявшая собой рецензию. Даже в 1904 г. все еще бытовало явно устаревшее понятие фельетона. В объявлении о подписке на журнал «Мир Божий» было указано название статьи в этом журнале: «Научный фельетон. Лечение растений» [6].

«Настоящий» фельетон в конце XIX в. постепенно выходит из газетного подвала и занимает место, как правило, на 3-ей полосе, верстаясь, как и прочие материалы, в колонку. Он печатался в рубрике, обычно так и называвшейся — «Маленький фельетон», и превращался в самостоятельный жанр.

Примером уже типичного, «чистого» газетного фельетона в «Курьере» могут служить многие публикации А. Серафимовича в рубрике «Заметки». Один из наиболее ярких материалов был посвящен тому, как на фоне бесстыдного игнорирования проблем городского хозяйства гласные городской думы, по словам публициста, «расщедрились» — «отвалили» товарищу городского головы немалую сумму денег сверх положенной в год [7]. Популярность «настоящего» фельетона у публики не вызывала сомнений, и газеты, рассчитанные на массовую аудиторию, в первую очередь «Русское слово», вскоре сделают ставку именно на фельетонный стиль подачи материала. «Курьер» же стал, как проводник этого жанра в «большую» и массовую прессу, своего рода мостом между малой прессой, рассчитанной главным образом на малообразованного читателя, и массовой газетой, ориентированной на «среднего» читателя, — аудиторию, уже привычную к ежедневной информации и предъявлявшую к ней более высокие требования, нежели читатели городских «листочков» 80—90-х гг. предшествующего столетия. *Своим авторитетом газеты большой прессы «Курьер», так же, как и петербургская «Россия», поднял статус маленького фельетона до неперемного атрибута популярного общественно-политического издания.*

Содержательная структура «Курьера» отличалась достаточно сбалансированным распределением материала по таким важнейшим отделам, как внутренние известия, внешние известия, телеграммы, местная и иногородняя информация, очерки и заметки, беллетристика. Этим он принципиально отличался от изданий малой прессы, и эта же существенная черта сближала его с органами большой прессы. «Курьер» становил-

ся авторитетным изданием. В письме к И. Я. Павловскому А. П. Чехов намекал на скрытую конкуренцию, существовавшую между «Курьером» и «Русскими ведомостями» [8, 37]. Московский цензурный комитет отмечал «подражание» «Курьера» последним в «составе и направлении своих статей» [9]. Однако нет сомнения, что «Курьер» в целом шел самобытным путем, чему есть немало подтверждений. Рассматривая же газету как орган московской большой прессы конца XIX в., целесообразно отследить черты сходства и отличия «Курьера» и «Русских ведомостей».

На первом этапе истории «Курьера», в 1897—1898 гг., наиболее значимыми группами материалов в газете были: местные известия (в среднем до 10% объема номера), внутренние (общероссийские) известия (от 6 до 15%), беллетристика (10—11%), иностранные новости (5—8%), телеграммы (6—7%) и большой подвальный «фельетон» — научные, литературно-критические, художественные обзоры (6—7%). В этот же период в «Русских ведомостях» преобладали: местные известия (7% объема номера), иностранные вести (6%), научный, литературно-критический и пр. «фельетон» (6%), иногородняя информация (5%) и телеграммы (5%).

Основными чертами сходства между двумя газетами как в названный период, так и в последующие годы являлось, с одной стороны, достаточно равномерное распределение тематики (что особенно заметно по сравнению, например, с «Московским листком» — малой прессой), а с другой — использование как информационных, так и крупных аналитических жанров.

В обоих изданиях насчитывалось 5—6 основных групп публикаций с удельным весом не менее 5% от общего объема номера. Определенные подражательные тенденции «Курьера» по отношению к «Русским ведомостям» на начальном этапе — развитие отдела телеграмм и иностранных известий. Политика отдела иностранных известий, например в «Русских ведомостях», строилась на хорошо понятном постоянному читателю газеты принципе отклика на русскую современность.

Для «Курьера» названный принцип приобретал особое значение. Это было связано, в частности, с тем, что газете были запрещены передовые статьи «Москва, такого-то числа», и на их месте редакция начала помещать носившие установочный характер статьи под заголовком и внешнеполитические обозрения. Как уже упоминалось выше, само по себе это не служило росту популярности. Однако редакция не только не уменьшила объем соответствующих материалов, но и продолжала развивать эти отделы. Например, объем зарубежной информации, полученной по телеграфу и от собственных корреспондентов в мае 1900 г., достиг 11% от объема номера; телеграммы же составили 10% — в два раза больше, чем в «Русских ведомостях» в декабре 1897 г.

Развитие телеграфного отдела в «Курьере» свидетельствовало о редакционной ориентации и на издание информационного типа. Соответственно, уменьшается средний объем крупного жанра: беллетристика занимает уже 4% вместо 10% в 1897 году, большой научный или литературно-критический обзор — 2% вместо 6—7% в 1897—1898 гг. В 1902 г. телеграфный отдел вновь сокращается до 6%, однако это происходит отнюдь не в ущерб информативности, так как возникает отдел телефонных известий, дополняя оперативную информацию до прежнего объема и даже улучшая ее качественно скоростью передачи. По количеству публикуемых известий, переданных по телефону, этот отдел «Курьера» в 1902 г. (4%) даже превысил объем соответствующего отдела такой формирующейся «фабрики новостей», как «Русское слово» в январе 1904 г. (2%).

Надо отметить, что развитие в «Курьере» оперативной информации к 1902 г. выразило одну из основных тенденций эволюции газетной печати. Она с большой наглядностью проявилась в возникновении такого издания, как «Вечерняя газета», которая целиком была построена на телеграфных известиях. Положительно отмечая это событие, «Русское слово» выразило солидарность с новой газетой в плане развития информативности издания. «Вечерняя Газета» Абазы, — писал под псевдонимом Квидам журналист «Русского слова», — являет собою... весьма характерный факт в эволюции русской печати». В программе газеты не было «ничего неопределенного или туманного»; новый орган печати «будет давать только телеграммы. Телеграммы, как факт и «истинное происшествие», и больше ничего, а там уж «предоставим астрономам доказывать» и т.д.» [10].

Возвращаясь же к традиционным характеристикам большой прессы — объему серьезных научных статей, литературно-критических и художественных обзоров, публиковавшихся в подвале второй и третьей полос под общим названием фельетона, то эта особенность действительно в равной степени качественно выделяла «Курьер» и «Русские ведомости» в системе московской газетной печати, а также и столичной печати в целом.

Качественная «журнальная», просветительская тенденция в ежедневных газетах свидетельствовала об их стремлении поднять культурно-образовательный уровень читателя. Однако если для «Русских ведомостей» эта политика была уже традиционной и базировавшейся на знании своей аудитории, которая в большинстве случаев читала газету целенаправленно, то «Курьер» в определенной степени рисковал. Риск выражался в первую очередь в том, что у «среднего» московского читателя, на которого в основном ориентировалась газета, еще не была развита установка на образовательное чтение: «Недолгий газетный опыт убедил нас в том, что в Москве издавать приличную газету очень трудно: косность

матушки Москвы нигде так сильно не сказывается, как в этом отношении. Нужны долгие годы труда и энергии, громадные денежные жертвы, чтобы завоевать московского читателя», — писал в марте 1899 г. Е. З. Коновицер [4]. Однако «Курьер» сумел уже в первый год издания уловить ту структурно-информационную равнодействующую, которая дала возможность привлечь к газете читателей из различных социальных слоев и в 1899 г. позволила редакции констатировать, что «Курьер» расходится в столице весьма удовлетворительно — 9 тысяч экземпляров в день [3].

Читателей уровня аудитории «Русских ведомостей» газета «Курьер» могла привлечь более оперативной и в ряде случаев более обширной информацией. Менее образованных читателей — рабочих, конторских и торговых служащих и др. — газета существенно привлекала отделом беллетристики и своей невысокой ценой. В дальнейшем, к началу XX в., начались и более заметные подвижки в запросах «средней» аудитории, что подтверждала редакционная почта.

Конечно, будучи достаточно разнообразной по составу, почта «Курьера» отражала обратную связь с наиболее образованной, а главное — общественно активной частью аудитории. В газету писали студенты, учителя, ученые, общественные деятели, врачи, артисты, журналисты и писатели, известные в городе люди. Кроме московской, было немало и иногородней почты, в том числе ответы на критические материалы — чаще всего от чиновников и торгово-промышленных деятелей⁵.

Анализ читательских писем подтверждает, что эта часть аудитории «Курьера» была идентична аудитории «Русских ведомостей». Однако есть основания полагать, что «Курьер» покупали и выписывали и совсем другие по образовательному уровню и социальному положению читатели, — как в Москве, так и в провинции. Дело в том, что малообразованная публика, составлявшая на самом деле немалую часть аудитории большой прессы, не имела привычки писать в газеты, отвечать на анкеты и т.п. Это являлось даже в те годы причиной неточных оценок действительного состава аудитории. «Средний» читатель, на которого в целом ориентировалась газета за прошедшие годы [11], начал выявляться в начале войны с Японией, зимой 1904 г.

Сопоставление соответствующих редакционных отделов, их тематической направленности и удельного веса в номере, жанровых особенностей публикаций в популярной демократической газете «Курьер», с одной стороны, и ставшего в ближайшие годы массовым

⁵ Например, в рубрике «Письма в редакцию»: «Курьер», 2 января 1902 г., № 2; 8 января 1902 г., № 8; 12 января 1902 г., № 12; 14 января 1902 г., № 14; 5 февраля 1902 г., № 36; 19 марта 1902 г., № 77; 1 декабря 1903 г., № 273; 6 января 1904 г., № 6 и т.д.

«Русского слова», с другой, дает определенные основания для вывода, что на примере «Курьера» можно наблюдать процесс формирования признаков, перешедших в содержательную и жанровую структуру газеты нового типа — массового («Русское слово»).

Основной структурной характеристикой, перешедшей в конце XIX века из органов большой прессы в популярную демократическую газету рубежа XIX—XX вв., а затем из последней — в массовую, стала тематическая пропорциональность информации. Разумеется, пропорции эти в определенной мере отличаются, например, у «Русских ведомостей», «Курьера» и «Русского слова», однако можно говорить об их сопоставимости в целом.

Так, в «Русском слове», как и в «Курьере» и «Русских ведомостях», ведущими тематическими блоками были местные и иностранные известия, а также оперативная короткая информация, переданная телеграфом и по телефону. С «Курьером» газету сближает и взятое первым от малой московской и провинциальной прессы правило давать беллетристику. При этом если «Курьер» по мере своего развития снижал в целом удельный вес беллетристического отдела, то «Русское слово» почти не уступало по этому показателю «Московскому листку».

Отметим еще одну черту, которая, на первый взгляд, как будто бы сближала органы малой прессы («Московский листок») и большой прессы, а затем — правда, в меньшей степени — и органы прессы для широкого читателя («Курьер», «Русское слово»). Это — *значительный объем телеграфных известий*. Например, в «Московском листке» они составляли 9% от объема номера, что выводило данный отдел на второе место после беллетристического. Однако решающую роль при сопоставлении играет не количественная, а качественная характеристика. В «Московском листке» телеграфная информация носит тот же характер, что и газета в целом: происшествия, экстраординарные события, известия, не имеющие какого-либо серьезного общественного звучания, или же самый «сухонный» официоз. Что касается «Русского слова», то оно стремилось к отбору таких сведений, которые бы отражали, возможно, более широкий спектр жизненных явлений и событий. В еще большей степени это было свойственно «Русским ведомостям» и «Курьеру».

Вторая существенная черта популярного органа ежедневной общественно-политической прессы исследуемого периода — жанровые пропорции, доминанты номера, а также введение «маленького фельетона» при исследовании тем, имевших общественный резонанс.

Возможно, и по этой причине заявленная в январе 1904 г. программа «Русского слова» будто скопирована с «Курьера»: «В газете «Русское слово» печатаются ежедневно передовые статьи по вопросам экономическим, юридическим, земским, городского

самоуправления, народного образования и т.д., политические обозрения. Ежедневно фельетоны общественной жизни по литературе, искусству и т.д. Ежедневно статьи В. М. Дорошевича, касающиеся текущей жизни и злобы дня. ...Жизнь столицы. Жизнь провинции. Все выдающиеся и интересные события в провинции. Особое внимание будет обращено на общественную жизнь, земскую деятельность, вопросы городского самоуправления, на нужды экономические и дело просвещения» [12].

Однако еще выходявший в этот же период «Курьер» (особенно в более ранние 1902—1903 гг.) выдерживал свою программу более серьезно и целенаправленно, чем «Русское слово». В социально ориентированном общем тоне и конкретном исследовании жизненных фактов заключалось одно из его основных отличий от «Русского слова» того же периода.

«Русское слово» делало еще только первые шаги в сторону массовой газеты. Серьезность заявленных целей была пока постановкой вопроса. Довольно типичным для газеты было, например, поместить на первой полосе статью «Супружеская верность и фотография» [13]. Подобные бытовые темы, далекие от общественной актуальности, нередко преподносились на первой-второй полосах. Вообще, «статьи под заголовками», которые в 1901 г. А. В. Пешехонов [14] оценил как самые «качественные», носящие «руководящий», установочный характер (обычно они давались в газетах на 1—2-й полосах), в «Русском слове» теряют это свойство: заголовки нередко служат просто задаче привлечения читательского интереса. Более серьезные материалы помещались на второй и третьей полосах.

Возвращаясь к «Курьеру», надо сказать, что он, бесспорно, симпатизировал массовому читателю. Однако, развивая черты, которые импонировали широкой публике, в силу особенностей своего положения (в частности, финансового и внутриредакционного) [15] газета не успела вступить в ту полосу, которая стала бы благоприятной для ее трансформации в массовый орган. Заданные ею векторы развития популярного ежедневного издания во многом приняло к исполнению «Русское слово», уже в ближайшие годы ставшее самой распространенной газетой России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лепилкина О. И. Принципы классификации периодической печати в России в XIX — начале XX века / О. И. Лепилкина // Журналистика в поисках моделей развития: Материалы IV Всероссийской науч.-практ. конф. — Томск, 2011. — С. 59—62.

2. Родионова Т. С. Газета «Курьер» в системе общественно-политической газетной прессы Москвы конца XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Родионова. — Москва, 1995.

3. В. Н. Чуваков. «Курьер» / В. Н. Чуваков // Литературный процесс и русская журналистика. — Москва, 1981.
4. РО РГБ. Ф. 331. К. 48, ед.хр. 13. Коновицер Е. З. Письма к Чехову А. П. Письмо 6-е.
5. Насущный вопрос о русском искусстве // Курьер. — 1900. — 7 окт. — № 278.
6. Курьер. — 1904. — 4 янв. — № 1.
7. Серафимович А. Заметки / А. Серафимович // Курьер. — 1902. — 12 дек. — № 343.
8. Письмо к И. Я. Павловскому. 21 января 1899 г. / А. П. Чехов. ПС соч. и писем в 30 тт. (Письма в 12 тт.). — Т. 8 (письма).
9. РГИА. Ф. 776. Оп. 8. № 772. Лл.102—210. Письмо из Московского цензурного комитета 27 марта 1899 г.
10. Петербург, 6-е января // Русское слово. — 1903. — 8 янв. — № 8.
11. Письма в редакцию // Курьер. — 1904. — 20 февр. — № 50.
12. Русское слово. — 1904. — 2 янв. — № 2.
13. Русское слово. — 1904. — 5 янв. — № 5.
14. Пешехонов А. В. Русская политическая газета (Статистич. очерк) / А. В. Пешехонов // Русское богатство. — 1901. — № 3. — Отд. II. — С. 1—21.
15. Родионова Т. С. Московская газета «Курьер» / Т. С. Родионова. — Москва, 2011.

*Российский университет дружбы народов
Родионова Т. С., кандидат филологических наук, докторант кафедры массовых коммуникаций
E-mail: tavto2014@yandex.ru*

*People's Friendship University of Russia
Rodionova T. S., Candidate of Philology, Doctoral Candidate at the Department of Mass Communications
E-mail: tavto2014@yandex.ru*